

Анна Жидких

ЧУДО-ПЛАМЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Воронеж
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2) 6-5
Ж 69

*Издание осуществлено при финансовой
поддержке департамента культуры
Воронежской области.*

Жидких А.В. Чудо-пламя. – АО «Воронеж-
ская областная типография». – Воронеж,
2022. – 96 с.

ISBN 978-5-4420-0978-1 © Жидких А.В., 2022

Подписано в печать 08.06.2022 г.
Формат набора 70x100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,87.
Заказ № 694. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ».
304006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143.
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография».
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Поэт и журналист Анна Жидких ушла от нас 18 апреля 2019 года. Она неохотно выступала на литературных вечерах, нечасто публиковала стихи в периодике, ещё реже выпускала поэтические сборники... Тем не менее её знали, читали, любили.

Что особенно ценно для меня в стихах Анны Жидких? Высокая степень свободы. Именно так назывался один из разделов её давнего поэтического сборника. Это знаменательно и принципиально. Неизбывное стремление к свободе – мировоззренческой, эстетической, эмоциональной – и составляет родовое свойство поэта Анны Жидких. Оно не подспудное, не потаённое, не спрятанное. Оно заявляет о себе открыто, напоказ, без обиняков. Оно формирует тексты и композиционно, и метрически, и лексически. Традиционные размеры решительно перемежаются вольными речитативами, а привычные логические связи то и дело рассекаются

краями рифмованных строк... Кстати, рифма Анны Жидких заслуживает отдельного разговора. Поначалу она может показаться необязательной, приблизительной, случайной. В том смысле, что далеко не всегда читатель обнаруживает при этом тривиальное совпадение последних слогов. И оттого закрадывается ощущение, будто «чего-то не хватает». И это в самом деле так. Человеку, поглощающему несметное количество публикуемой посредством стихотворной продукции, не достаёт рутинных, механических, намертво вошедших в подкорку созвучий. Ведь горожанину, оказавшемуся вдруг в чистом кислородном лесу, дико без выхлопных газов. Не по себе как-то... И только по прошествии какого-то времени житель мегаполиса привыкает, расправляет грудь, блаженствует. Так и читающий, лишь оглядевшись в поэтическом пространстве Анны Жидких, вдруг ощущает, что этими «неудобными» рифмами в значительной степени и держится её особая в каждом стихотворении интонация. То летящая, то рваная, то умиротворённая...

И в жизни, и в литературе Анна терпеть не могла деланой значительности, натужного стремления к эффектной подаче себя, неизбежной заботы о восторженных откликах... Её органичная самодостаточность позволяла не растрачиваться «на блёстки и медали», а точно и пронзительно превращать своё внутреннее эмоциональное электричество в творческую энергию, питавшую многих и многих.

Литературное наследие Анны Жидких, несомненно, заслуживает изучения, обобщения, обнародования. В силу житейских причин настоящая книга по объёму невелика. Но верю, что она не станет единственной посмертной...

Сергей Попов

■ ■ ■

Е. Щеглову

Запечатли меня живой,
Не пересохшей на портрете –
На память об истлевшем лете,
Об узкой слёзке дождевой.

Наметь пунктиром светлый путь
До образа, слегка чужого,
Коснись прохладного ожога
И расскажи кому-нибудь,

Как я была сама собой,
Как я тебе не докучала,
Как рьяно буквами брэнчала,
Не соглашаясь на убой.

■ ■ ■

И диву давались, и смерти хотели,
И двери срывались, и окна потели,
И полночь плескалась, и правда кололась,
И книжка писалась, и ересь мололась.

По бровке, по узенькой, дальше, смелее,
Где праздники реже, а полдни белее,
Рождественской наледью, с легкой ленью
Туда, где конца нет и края взросленью,

Где братоубийство по первой тревоге,
Где сборы в дорогу труднее дороги,
И всё предначертано наверняка,
И даже слеза не черней, чем строка.

■ ■ ■

Будут злить и злиться будем
Завтра. А пока
Чай мы пьём с тобой, как Бунин –
С каплей молока.

На обветренной террасе
Сквозняки всегда.
Не бывают кстати разве
Эти холода?

Пусть события вне системы,
В силах я и ты
Зачеркнуть дурные темы
Вечной мерзлоты...

■ ■ ■

...Всё яблоки, всё золотые шары...

Б. ПАСТЕРНАК

За то, что сумели, за то, что нажали
На срез теплокровный певучей скрижали –
Креплёное хлёбово пришлою тоски.
Всё страх. Но глаза его невелики.

Корявая память. Кудрявая проседь.
Соседство, которое хлеба не просит.
Осеннее полымя мимо чела
Невзгод и везений, прожитых дотла.

Шершавая сырость железной ограды –
Такому исходу мы, кажется, рады.
Вот скверик вплотную. Вот небо окрест.
Мы вместе. Мы – вместо смертей наотрез.

Чего ж тебе кроме? Воды тридесятою?
Несметных ристалищ любви проклятою?
Чудовище нищее, родина, срок,
Проточных желаний, непонятых впрок.

Прощение сбудется – время безбрежно,
Пространство распаханно хищно и нежно.
Эпохе за тридцать. И плоская суть
Кричит «не забудься» взамен «не забудь».

Полёвка, плевков. Да не счесть ответвлений
Венозных протоков отъявленной лени,
Держаться за твердь. И куражится
В летейской воде перекатная явь.

Замах на излёте, а пекло на восходе,
Одежды опять не пришлись по погоде,
Провидцы не в силах. Беру карандаш.

А ты не поверишь.

А ты не предашь.

■ ■ ■

Заминка? Отлучка? О чём говорят
Повторы беззвучий зловещих,
Где падают замки и ставятся в ряд
Совсем несравнимые вещи?

Врожденным психозом исходит свирель
И шуток никак не выносит,
И, верно, с того непролазный апрель
Всё больше походит на осень.

Крутнись на носочках – туда и сюда,
А полночь держи на ресницах.
Ах, выкрики-всхлипы, живая вода,
В неярких разводах страница.

Картинка, другая – удушливый год,
Где мёртвые не умирают,
Покуда стихии, приличий в обход,
Травой погребальной играют.

Светись по престольным, крестись на углы –
Воскреснешь к Медовому спасу
Во имя и славу святой каббалы,
В отмену последнего часа.

■ ■ ■

Иду по Кольцу. Под моими шагами
Хрустят позвонки обескровленных листьев.
По-лисьи позёмка по ним пробегает
И – к новой добыче – над чёлкою виснет.

Темнеет. А осень такая ручная,
Что проще простого взвалить мирозданье,
Когда она видит, когда она знает,
Что я существую в её оправданье,

Что я существую в её утешенье,
Когда разольётся слезами моими
Протяжная одурь полночного пенья,
Где, словно в бреде, повторяется имя.

И дальше – ни звука. И больше – ни слова.
Мой выбор легко без того узнаваем
В облезлой расцветке фасада лепного,
В тяжёлой раскачке скрипучих трамваев.

И осень впечатает след от ладони
В раскисшую плесень на кладке кирпичной.
Такая ручная, зачем она гонит
В глубины глубин, как за рамки приличий?

Зачем я целую наклонную плоскость,
Как будто и вправду никак не устану
От ломаных мыслей, от жизни в полоску?..
Иду по Кольцу. Собираю каштаны.

■ ■ ■

Ты – моя крепостная стена.
Ты не знаешь меня ни хрена.
Словно дело мое – сторона,
Обретаюсь под ником Она.
Эта дрожь у реки заревой –
Мой портрет или обморок твой.
Уходи от меня с головой –
Мне не страшно, тебе не впервой.
От гипноза трёхлетнего сна
Я очнулась – на свете весна.
С сердца камень и с глаз пелена:
Ты – моя крепостная стена.

■ ■ ■

Крепче, круче дичь густая,
Не бросай меня, наглей.
В этом месте снег растаял,
Едут санки по земле.

Отдыхает солнце в яме.
Жизнь, как жизнь, и так проста –
Даже руки не с гвоздями,
Будто нет на мне креста.

Ни страстей, ни оболочки,
Ни иллюзии благой.
Только строчки, строчки, строчки –
Из полымени в огонь,

Где исходов не решают
Ни авансы, ни долги,
Где прозренья не мешают
Возвращаться на круги.

Всё издревле: этим плохо,
Тем – не лучше. Но легко
Онеметь или оглохнуть,
Подперевшись кулаком.

И тонуть, тонуть на суше,
Возвеличив нечет в чин,
Натыкаясь не на души,
А на женщин и мужчин.

■ ■ ■

Поберегись, не входи в этот злой поток
Дел непочатых, пробок на перекрёстках.
Нашу историю, новый её виток
Запорошило ветра сухой извёсткой.

Пыль на губах, волосы ходуном,
Взгляд замыленный, возраст, такое дело...
Почерк совсем не творческий –
закорючка, бином.
А решения нет, раз под сердцем похолодело.

■ ■ ■

Мёртвый грифель, чёрный профиль,
Не портрет, а трафарет.
Где теперь ты супишь брови
Сквозь одышку сигарет?
Не горюй!

У наших выгод
Нет реальнее предтеч,
Чем возможность брать на выбор
К горлу нож

и гору с плеч,
С плотоядными ветрами
Силой меряться...

Увы!

В бесконфликтной мелодраме
Те, кто выжили, – мертвы.
Ночника жестяный желудь
Жёлтый – мёртв. А вдоль стены –
Сладкий ладан, белый холод
Мятной матовой луны
На каракули в блокноте,
На махровый смачный мрак,
Что молчит на верхней ноте,
Заглушая вздох и страх.

■ ■ ■

Откликнись ветру – и в траву
По насыпи, по осыпи,
То к большинству, то к меньшинству,
Без спросу и без просыпу.

И лишь оглядке горячо
От дьявольского зодчества.
Усни, смородинный зрачок –
Ни имени, ни отчества.

Пересечение возрастов
Цифирью не пропишется.
Гуляет сок внутри цветов,
Неслышимое слышится.

А завтра яблочный сезон
Да прелесть подсыхания.
И газированный озон
На глубине дыхания.

Ему хранить, ему стеречь
Вплоть до последней просини
Невразумительную речь
С надсадой безголосия.

Надёжно перепрятан плач
И мёртво к тайне вяжется –
Перекрути, переиначь,
Несказанное скажется

Предвестьем по всея Руси,
Где только Богу – богово...
Помилуй, если не спаси,
За то, что помню многое.

■ ■ ■

Проза жизни с поэзией чувства
Сочетаются плохо и странно,
Потому на письме и изустно
Изъясняюсь темно и пространно.

И текут непридуманном руслом
Эти дни в очумевшей Отчизне –
Так и не изменившие чувству,
Так и не совместимые с жизнью.

■ ■ ■

Отравившись умением плакать
О дымке над сожжѣнным руном,
Мы не верим ни звуку, ни знаку
И живѣм на дыханье одном.

На погибель, погибели ради
Чудо-пламя цветѣт бирюзой
Над распятием бедной тетради
Восковою залитой слезой.

И подглавок ступеньки проводят
В вековечную тьмущую тьму,
Где одни пистолеты на взводе
Помогают понять, что к чему.

Проглоти этот воздух прогорклый.
Видишь – мрак не страшнее, чем свет.
Сковырни отболевшую корку
Во спасенье оставшихся лет.

На бессонницах всходит бессмертник.
И пречистых речей не скупей
Причитанья весѣлого ветра
Над раскачкою чѣрных цепей.

ПЕСЕНКА ДЛЯ ГОЛОСА

Когда не луна, а кошачий глаз
Пристрастен, как хор химер,
Примеришь бессонницу – в самый раз,
Придётся, размер в размер.

В наплыве непрошеной темноты –
Шажок и другой шажок.
Спокойною скоро, до тошноты,
Я стану с тобой, дружок.

Навязчива правда – мартышкин труд –
Долбёж по глухой стене.
Я выберу завтра себе маршрут
Попроще и подлинней.

Сошедший клин – это комом блин
Уже во первых строках.
Костей моих розовый пластилин
Размяк на твоих руках.

Несметно талантлив безбожный враль –
Оглядка на голос твой.
А слово – не слово, когда мораль
Оплёвана с головой.

Лишь вздрогнет чинарик, да красный цвет,
Бледнея, спадет на лед.
Саднящую ранку легко рассвет
Зелёнкой своей зальёт.

И не проболтаюсь я никому,
А главное – никогда.
Пусти меня, братец, в мою тюрьму,
Где снова я молода.

Порежь огурец, да поверх беды –
Жалей меня, не жалей –
Плесни напоследок святой воды
Побелей.

■ ■ ■

*«Возвращаются ветры на круги своя...» –
Эту истину в Библии вычитал я.*
В. ПОЛЯКОВ

*Возвращается ветер на круги своя,
Выставляется весь реквизит репетиций.*
А. ЭЙСНЕР

Посредине зимы, сжавшись на острие,
Мысли спутались так, что почти отболели.
В обмороженный рай по чужой колее
Не дано провести никакой параллели.

В рассекреченный час закован чулан,
И пространства залиты спокойною кровью,
И тяжелая тень прижилась по углам,
Бесконечную ночь называя сестрою.

Частный случай представлен
изнанкой наверх.

Он повесит её на ближайшем заборе,
Невзирая на смысл, вне приличий и вех,
Подышать от надежд и воскреснуть от боли.

Он прикинет расклад и запросит стихов,
И налепит сюжетов на скорую руку,
И по-нищенски зло отомстит за приход
Вдохновений таких, и окликнет разлуку

По мотивам старинных заигранных пьес,
Мимолётных страстей из цветных
водевилей...

Там – пожали плечами, поставили крест,
Там – по следу собак натравили.

Под всеобщий восторг задыхайся, беги,
Принародно давясь остротой ощущений.
Эти клятые правды куда как строги –
Возвращаются ветры опять на круги –
За прощеньем.

■ ■ ■

С круга – в омут. Царица Жар-птица
Сохнет влёт и уходит из рук
Насовсем. И пристало проститься,
И простить, и заметить не вдруг,
Как, прижившись под небом уездным,
Где привычные млеют стрижи,
Снисходительно щурится бездна,
Вырастая из комнатной лжи.
Оболочка крутого обмана,
Лицедейская кротость и страсть –
Под процент из чужого кармана
Округляется бегло и всласть.
По намёку мгновенного свойства
Из-под метких пиковых ресниц
Нагота показного геройства
Восстаёт и не падает ниц.
И по следу случайных прохожих,
И за тенью прощёного дня
Всё бредёт и окститься не может
Некто проклятый вроде меня.
А вокруг – ни молитвы, ни плена.
А под кожей – ни меры, ни дна.
Да земля. Да зима. Да измена.
Да летящая навзничь страна.

■ ■ ■

То, что прогорает сгоряча
Свечкой в свежих мартовских ночах,
Заставляет врать, что не впервой
Этот чад и хаос мировой.

Будто лишь в предвестье новых гроз
Ночь неразрешима, как вопрос,
И безвариантен, как ответ,
Анемичный медленный рассвет.

Впрочем, Боже мой, о чём гадать?
Ладно бы – не звать тебя, не ждать,
Но не рухнет церковь на крови,
Как ни мучь и сколько ни живи.

Оттого про сбывшиеся сны,
Про всеядность нынешней весны
Только и расскажешь мне одной
На неделе где-то на Страстной.

А потом простимся без речей.
Будет май – весёлый и ничей.
Баловень и нехристь, пустота,
Золочённый купол без креста.

■ ■ ■

Тяжелы небеса, будто травный веночек –
От виска до виска, на одном волоске.
Намечается крен, удлиняются ночи,
И усталая капля ползёт по щеке.

Ты, конечно, простишь эту карюю горечь,
Неприкаянным утром придясь ко двору
Развороту равнин и сырых плоскогорий,
Где болеют деревья на жёстком ветру.

Перелётный октябрь будет биться о стены,
И протянется век, и придут времена
Тишины вне игры и без права замены
Тех, кто сила твоя или тех, кто вина.

Не меняться уже, только длиться и длиться
Этим неискущённым в болячках иных
Отголоскам в сердцах, выраженьям на лицах,
Что понятны едва ль и ни в чём не вольны.

И тоска не страшна – тем, что необратима
К мимолётному благу. И славен черёд
Неживого тепла от руки побратима,
Что обычно дано угадать наперёд.

Так прощай, моя радость,
 коль муторна милость.
Неумело владея твоим языком,
Я прилежно учусь экономить чернила
Над последним нетронутым беловиком.

В окруженье торжеств, в нарастающем рёве
От избытка толчков, в сердцевине огня
Да хранит тебя Бог за решеткой из рёбер
От всего, что не я, а потом – от меня.

ПРОВОДЫ НА ВОКЗАЛЕ

Эх, базар-вокзал, горбушки-корочки,
Скарб транзитный по пяти углам.
Благодушный бомж сидит на корточках –
Очевидно, прибыл по делам.
Не глядят глаза – спешу на улицу,
Где на миллионы вёрст и миль
Небеса насупились и хмурятся...
А как тронется автомобиль –
На дорогах видимость хреновая...
Вот она, страница жизни новая!

■ ■ ■

Я сквер чёрно-белый пройду раз пятнадцать,
И ноги промокнут – погода такая.
Тебе не сказать, а себе – не признаться,
Откуда, кого и зачем окликаю.

Вконец отупев от речений бесплодных,
Я глубже дышу, забывая надсаду,
И рельсы слезятся под солнцем холодным,
И мне с ними взглядом встречаться не надо.

Коробится тополь в шагреновой коже,
Ползучих тропинок расставлены пути –
Все выверты марта до жути похожи
На наши подтексты, на наши маршруты.

Послушай! Ты слышишь отчаянный шёпот
Капели, что ставит последнюю точку?
Плевать я хотела на жизненный опыт.
Давай ничего не решать в одиночку.

■ ■ ■

1

Да о чём это мы, любимый?
Бочка мёда да дёгтя ложка –
Так черны, так сладки глубины,
Те, в какие не понарошку.

Не пытайся, мой посторонний,
Дуть учтиво на место жженья.
Ничего мы не провороним
В откровениях отторженья.

Все банальности, мой недолгий,
Время лечит – чего же проще?
И забудется взгляд мой волглый,
Что целован тобой на ощупь.

Как весна тебя обнимает,
И надежды светлы, как листья.
Ничего мы не понимаем
В мельтешенье избитых истин.

Звуков уличных аритмия
Выдыхается – дело к ночи.
Как по-вашему – мама мия?
И по-нашему – грустно очень.

2

Начальные такты бельканто,
Крыла, уносящие прочь.
Уйми своего музыканта,
Дикарка безумная, ночь.

Ах, было! И скрипка визжала,
Стараясь, чтоб наверняка
К глубинам минора прижало
Прицельным ударом смычка.

Пронзительней, пагубней, ближе –
На полную громкость накал.
Кто губы иссохшие лижет
Во льдах амальгамы зеркал?

Отточено в сумраке чётком
Томительных дум острие.
Сквозняк над обрывком «вечёрки»,
Допетое соло твоё.

Полоска отжившего света
Из полуприкрытой двери.
Последняя ария лета,
А там – октябри, ноябри.

И пусть бы всё прахом и пухом,
В потёмки. Но ярче свечи
Чутьё абсолютного слуха
К тому, что уже не звучит.

За душой только осень,
её бутафорские страсти,
А в кармане – ни слова, ни дела,
ни саги, ни фиги.

Нет печальнее повести. Да и не с ней
мы уснули.
Помоги лучше встрять – по секрету,
украдкой, на ушко,
Что убыточных дней отливаются
ловкие пули,
Да маячит у глаз неотвязная снежная мушка.

■ ■ ■

Наблюдая часы, невпопад
Замереть у остывшей реки...
Это в руки идёт листопад,
А у страха глаза велики.

А родная страна широка,
Только рана её глубока.
И саднят за строкою строка,
Как усталая эта река.

Не стесняйся – что хочешь проси
У бессмертья, которого нет...
Медяки опадают с осин,
Мелочёвкой гремя на весь свет.

■ ■ ■

Осени круглая дата.
Дали. Дороги. Дворы.
Шорох на грани раската.
Дождь по асфальту – стаккато
Непринуждённой игры.

Эта земля нечужая
Вытолкнет, будто под нож
Пробовать, веки смежая,
Сладость её урожая –
Непроходящую дрожь.

Выкормит изнеможенье
И, нахлобучив зарю,
Вытравит воображенье,
Переосмыслив круженье
Зазимка по ноябрю.

До поминальной субботы
Пляска погод. А затем –
Заводь. Забвеньё. Зевота.
Страхи во имя кого-то.
Воля возлюбленных тем.

Им-то и выпрошен выход –
Свете мой, блеск, лепесток,
Помесь просчётов и выгод,
Там, где не вымерз – не высох
Кровоточащий исток.

■ ■ ■

Седовласые ивы шумят
На Конечной седьмого трамвая.
Где-то между двумя и тремя
Здесь забвения не бывает.
Век родимый истаял вконец,
Износился до дыр – и на свалку.
Делу – время, ему же – венец,
Почему же ни шатко ни валко
Птичка-память по веткам снуёт?
И безбрежны рассвета разливы,
И глазастая юность поёт –
Всё про вечнозелёные ивы...

■ ■ ■

Лужи тёмного серебра –
По асфальту, что вёл к тебе.
Сотворённая из ребра,
Изощряюсь теперь в резьбе
По живому.

Лизни плечо –
Не саднит оно, а сладит.
Это осени горячо,
А сама она холодит.
Убегает и снова ждёт –
Виноватая, тяжела...
Ей игра её не идёт –
Так когда-то лишь я ждала.
А предзимья разлитый спирт
Обжигает огнём гортань...
Скоро смерть, а хранитель спит –
Не буди его, перестань.
Ты же видишь, как я храбра:
Не сбиваюсь –
 гляди! –
 с прямой...
Лужи тёмного серебра.
Свете праведный, Боже мой...

■ ■ ■

Свитер крупной вязки натяну,
Трону дверь, не тронув тишину,
И пойду, поёживаясь, в осень,
Как корабль с пробоиной – ко дну.
Что плачевно, но не тяжело.
Мне ещё с погодой повезло.
За дымами Масловка маячит,
Но туда дорогу развезло.
Пусть там дом. И стол пусть, и стакан.
Пусть там рады даже дуракам –
Лучше подожду Господней кары,
Мы вот-вот ударим по рукам.
Верно, хорошо сейчас в тепле,
Где фонарь болтается в петле,
Где спасает душу межсезонье,
Будучи слегка навеселе,
Без излишних линий на челе...

И опять – светает на Земле.

■ ■ ■

Оттепель, свежая рана,
Кровоподтёк на снегу,
Чтобы не выглядеть странной,
Сделаю вид, что смогу

Падать – не насмех, а насмерть,
Остолбевать на корню,
Пусть неумело и наспех
Шило на мыло сменю,

Шаг буреломный сличая
С пропастью волчьей норы,
Целую жизнь изучая
Правила вашей игры...

■ ■ ■

В саврасовском рьяном апреле,
Где шансу равняется шаг,
На запах берёзовой прели
Уйти полной грудью дышать.

Вживаясь в пространство пустое,
Под хрипый минор воронья
Захлёбываться настоем,
Которого через края.

Чтоб память раскатистым эхом
Крутила события вспять –
В насмешку, а больше – в утеху,
Что им не случиться опять.

И внемя весеннему бреду,
И сдвинувшись с толку слегка,
Я может быть даже приеду
Губами коснуться виска.

В твои одичавшие стены,
Где вздох заболит-зачастит,
Где сбой на запретные темы
Немыслим и неотвратим.

Развейся, вальсок примитивный,
Как дым от горящей листвы...
Молчу. Если хочешь – прости мне
Такой поворот головы.

Умею – блажной да незрячей,
Неважно, какую ценой...
А ты меня всё ещё прячешь
В избушке своей лубяной.

■ ■ ■

Сквозь рождественские ветки –
Небо рыхлое, больное.
Снег разбросан, как пометки
По страничкам перегноя.

Воздух лёгкие дерёт,
Напролом ветрище прёт –
Это горький леденец,
Это сказочке конец...

■ ■ ■

В. Шендрику

Об этом я сообщу в письме,
Которое столько пишу в уме,
В сторонке от любопытных.

Ты

Поймёшь его, как никто.
Поскольку знаешь и без меня,
Как травит извёсткою простыня,
Как упорно корм не идёт в коня,
И небо лежит пластом.

Ты тоже помнишь, который век
Жуть пробуждения из-под век
Сквозит и выскакивает поверх
Фразы, жеста...

Зови

Это нервами или хандрой,
Ругай меня дурой, считай сестрой,
Но, знаешь, если налить по второй –
Услышишь в своей крови,
Как переулок течёт кривой
То по земле, то над головой,

Как не петлёю, так тетивой
Извивается ветер...

Тоска,

Значит, опять зеленой вина.
И дом на слом, будто вся страна.
Чуешь?..

Хоть, собственно, сторона
Дело твоё...

Пока.

■ ■ ■

Ещё три часа сна, Аня, спи, не бойся,
Закопанный тополь затих к утру.
Это ветер сник, он не будет больше,
Он ушёл отлеживаться в нору.
На пространстве чёрном, меж полюсами,
Лишёнными выраженья лица,
Я закрыта от мира тремя часами,
Герметичными, как скорлупа яйца.
Вот они протекают угрюм-рекою
Мимо жизни, где комната и кровать...
Я лежу с побасёнкой за щекою.
Утро добрым не вышло. Пора вставать.

■ ■ ■

Сызнова жить начиная едва,
Слушать, как падают капли из крана.
В память о прошлом дождаться бурана,
Верить в его золотые слова.

И приговор превратится в слушок:
Было да сплыло – за этим порогом,
Как говорится, содвинем – и с Богом,
Не за удачу, так на посошок.

А поутру, коли двор заметёт,
Будут тебе государство и право
Перемещаться налево-направо,
Где кислород неотступный цветёт.

Только на всякий пожарный часы
Сверим, чтоб больше нигде не встречаться,
И от окрестностей не отличаться
Средней, как наша любовь, полосы...

Пустил бы за пазуху, век-лиходей,
Укрыл-уберёг от хороших людей.
В бесполой пустыне твоих площадей
Так страшно...

Но разве я трушу?

Покуда стою, как солдат на часах
В заплёванном тамбуре, чьи голоса
В своей дурноте продолжают спасать
Мою бестолковую душу.

■ ■ ■

Принцессою не была,
Под шквалом литых горошин
Закусывала удила,
Любила стихи и кошек.
И слушала, рот раскрыв,
Нашёптыванья юдоли
Про этот чудной обрыв
Линии на ладони...

■ ■ ■

Бережёного Бог бережёт.
Да не прибрана наша изба.
Да не собраны гости в кружок,
Не отброшены пряди со лба.

Полно ждять – не внакладе никто.
Если исповедь – это спьяна.
Опирается полночь о стол,
Осенясь крестовиной окна.

Еженощный совиный покой.
Вспомнят ходики ноту – динь-дон.
Тяжелей стопудовых оков
Полотняной рубахи подол.

Вечность грубая, ты ль не права,
Прорву судеб швыряя во тьму?..
И в печи прогорают дрова,
И не жарко от них никому.

■ ■ ■

В заросли снегопада
Раз и другой войти...
Я ли тебе не рада,
Свет поперёк пути?

Под кислород колючий
Радужку, уголёк
Кинул счастливый случай,
Чей горизонт далёк.

Это отместка воли,
Манна через края.
Это изнанка боли,
Родненькая моя.

Вот и восстало имя,
Прячет в зрачке смешок.
Мы втихомолку примем
Счастья на посошок.

Выманим небо с неба
И разберём с листа
Это паденье снега,
Нет на каком креста...

■ ■ ■

Холод еловый, январский наркоз,
Хрящики льда в колее.
Эта зима тебя любит всерьёз,
Плюнув на имя твоё.

С тем воскресаешь, спросонок попав
В лес непролазной зимы...
Снежные заросли – та же тропа,
Линия жизни взаймы.

Чем её выстелишь, как сбережёшь
И приоткроешь кому
Эту единственно верную ложь,
Тайную жажду, вечную дрожь?..
Не объясняй – не пойму.

Только аукнется – слёзно блеснёт
Будто из ножен укор...
Стёк по стекляшке живительный мёд.
Не обольщайся – никто не поймёт,
Чем ты жива до сих пор.

■ ■ ■

Дни твои ни длинней, ни короче
Мелкой метки на сгибе ладони.
Не чернее чернил твои ночи,
И глаза облаков не бездонней.

Сквозняки по пустотам прихожей
Не хитрей преждевременной стужи,
И стихи ни на что не похожи –
Значит, ты даже смерти не нужен.

И в строю догорающих спичек
Ты едва ли пожар непочатый,
Но среди твоих вредных привычек –
Ветер с моря и мостик дощатый.

Чтобы здесь никого не искали,
Чтобы здесь ничего не пропало,
Небо ссыпалось с неба кусками
И на землю легло как попало...

■ ■ ■

Что, на Дмитровке ненастье?
Фонари, должно быть, хмуры?
Мы с тобою сходной масти –
Обе круглые и дуры.

Обе знаем цену свету,
Обе – мраку, и к тому же
Мы любили по поэту,
Разлюбили – по нему же.

Сосчитай-ка швы да шрамы,
Чей характер независим...
Пишешь ты стихи да драмы
И совсем не пишешь писем.

Всё бы грызть тебе науку:
Лампа, тумбочка, кровать...
Протяни мне лучше руку –
Время горе горевать.

■ ■ ■

...и вот рисуешь силуэт
стеченья времени и места
вычерчивая жестью жеста
канву зажатую в сюжет

там лепет за полночь с чего
так беззащитна эта врезка
где контурно до боли резко
воспламенилось естество

который год который ход
преумножаются попытки
пресечь припадочные пытки
на стыке пагуб и погод

где вертикальный снегопад
над апокалипсисом марта
последний козырь бита карта
обыкновенно невпопад...

■ ■ ■

М. Болгову

Мой друг, позволь на пару слов.
Неосновное – до основ –
Наглеет. Требуется трепаться
О том, о сём, и, может статься,
Я отвлеку тебя от дел,
Болтая сплошь о ерунде.
И здесь кончается искусство.
Я не в себе, но мне не грустно.
Живу. Дела мои – труба.
Но дышат почва и судьба,
Неистребимы, как зараза...
Быть может, за стеной Кавказа...
Хотя гонимые судьбой
Писатели – не мы с тобой,
Чья клетка – непролазный город,
Поэтом проклятый и гордый,
Но на загулы щедрый...

Да?

Люблю такие города!
Вот вышел месяц из тумана
И вынул ножик...

Впрочем, здесь
Мотив запретной темы есть –
Прямой намёк на бренность тела.
Нам не нужны такие темы,
Хотя материя – ничто,
И я ответчица за то,
Когда, молясь о всепрощенье,
С огромным чувством облегченья,
Без мыслей, как когда-то в школе,
Я к вам пишу, чего же боле...

■ ■ ■

Я избушку свою лубяную
Покидаю достаточно редко.
Никого ни к кому не ревную –
Я ленюсь совершенно конкретно.
Обожаю разбрасывать взгляды,
Жарить двориком напропалую.
Там кого-то попотчую ядом,
Здесь кого-то не вдруг поцелую.
Манна сыплется мимо кармана,
Небеса широки и невинны.
Эх, туманы мои, растуманы!
Ничего-то за вами не видно.

1977 ГОД

Чёрствый свет на грубой простыне
От луны, слезящейся в окне.
Циферблата чёрная дыра.
Под двумя пятёрками нора.
Если смерть – откуда тут струна?
Если жизнь – чему она равна?
Разливаюсь – к худу ли, к добру?
Но подглазья высохнут к утру.
Будет день, похожий на сыр-бор:
Жест, ухмылка, гонор, приговор.
На вопрос, простой как дважды два,
Непременно общие слова –
Про неволю птичкой стрекотать,
Про охоту вечер коротать,
Про настольной ночи марш-бросок
На вольфрама тонкий волосок.
Дальше – взрыв.

Потом – луна в окне.

Чёрствый свет на грубой простыне.

■ ■ ■

Защемит под ложечкой: болячка,
Родина, оскомина, змея...
Жизнь моя, подначка и гордячка,
За тебя ли не держалась я?

Для тебя ли не творила ноты,
Шагом честным за тобою шла,
Что ж опять загадка: где ты, кто ты,
Беженка, которым несть числа?

Без разбору – вёрсты столбовые
И туманов скисших молоко...
Сплошь да рядом – страшно неживые
Те, кто здесь, а также – далеко...

■ ■ ■

Как ни пыжься и сколь ни пиши,
Не взломать этот маленький короб –
Заповедник пропащей души,
Тесный, тёмный, безлиственный город.

Государство премерзких теней
В красоте их звериных повадок,
От которых легко цепенеть,
Растеряв напускную браваду,

Полюбив непридуманный шанс
На безлюдном юру появиться.
Оттого этот сбивчивый шаг:
Магазин, остановка, больница.

Спуск к реке – неизвестно куда,
Где к тебе, как гора к Магомету,
Широко подступает вода
Неестественно чёрного цвета.

■ ■ ■

«Вспоминай меня, да не лихом...»
(Из письма Нащокина к Пушкину)

Перехлѣст дорог неторных,
Запоздалая весна.
Мрак на фоне радедорма,
Подоконника десна

Не заразы – звёзды-фразы:
Эта бездна так мала,
Как мой мир, куда ни разу
Никого я не звала.

Пух и перья, птица Феникс –
Ваша честь и наша власть.
Узелок на тонкой вене:
Сколько раз она рвалась?

Вон из кожи – очи строже,
Эта песенка стара,
И твердить её негоже:
Вера, мера, честь, игра,

Ветер, поле, повилика,
Тили-тесто, имена...
Мрак – ни отблеска, ни блика.
Можно лихом поминать.

■ ■ ■

А в зияющей яме пруда
Стекленеет гнилая вода,
Отражая лиловые слитки
Низких туч, что плывут в никуда.

Где их пристань, что им якоря?
На осинах конца сентября
Никнут тонкие чёрные ветки,
Словно судьбы, процветшие зря.

И ни звука – зови не зови
Отголоски последней любви.
Лишь из зарослей серых подранок
Лебедь белая, перья в крови.

ЛИТИНСТИТУТ

1

Под перепляс московских непогод –
Прононс ненумерованной простуды.
Окурки в банке. Грязная посуда.
Чужое утро, високосный год.

Классическая пустошь потолка –
Обложкою программного романа...
Жирей, дикорастущая нирвана,
Под коридорный хохот дурака.

Общажный дух исхоженных путей
Вдыхая полной грудью, может статься,
Я здесь могу остаться – без затей.
Но без затей я не могу остаться.

2

Литинститутская зима
Лежит бездомно в сквере голом.
Мы здесь, чтоб жечь сердца глаголом,
Хлебнувши горя без ума.

Пока гуляют сквозняки
В углах задрипанной общаги –
Мы брать преград не обещали.
Берём лекарство от тоски.

Берём и заливаем горе.
И по колено Боре море.
Ну, а Серёжа – не моряк.
Он просто в коридоре – бряк...

■ ■ ■

Собиралась отписать о хорошем...
Время лечит, да не ищет причала.
Вряд ли стоит в настоящем о прошлом,
А до будущего дела мне мало.

Ты не бойся – я не слишком скучаю,
Потому что лето было и будет.
И скажу себе за выцветшим чаем:
Кто застучает – вовек не забудет.

■ ■ ■

Рассвет – и можно смотреть в окно,
Туда, где было темно.
Я знаю точно, знаю одно:
Надо жить всё равно.

И Ленка с Лариской примчат из Москвы,
И той тоске не сносить головы,
Что буйно растёт на манер травы
Повсеместно, увы.

О, сколько силы в таком труде –
Сиять прилюдно под стать звезде.
Сгорела бы, да уже к среде
Я нужна буквально везде.

А катилось бы всё оно, лесом шло.
Осень, возьми меня под крыло.
Ты ж видишь – дышится тяжело
И предано ремесло.

И прости меня, Господи, что морю
Тетрадку голодом, что горю
Гаром. Истинно говорю:
Не ведаю, что творю.

■ ■ ■

В палевом воздухе пахнет палёным,
Прошлым, непрошеным, в доску родным.
Вечер кустится пиковым паслёном
По палисадникам.

Детские сны

Помнятся.

Мнятся какие-то тени

На перекрестье реальных теней
В плотном мирке безымянных растений
С вечною жаждой их чёрных корней.

Дачная дичь тёмнокожего сада
Нянчит издревле пустой интерес
К мелочи жизни.

И больше не надо

Счастья по гроб и любви позарез.

Но горячится мотив по старинке,
Где, кроме слёз, не понять ничего,
В ритме, распластанном на суглинке
Млечного времени моего.

■ ■ ■

Дорогая Таня, я потеряла голос.
Я прибита брехнёю жизни и правдой голой.
Ничего не хочу сказать, хоть слова имею.
Милый говорит, что пою их, как Лорелея.
Дорогая Таня, на улице очень мерзко.
Отвратительно многолюдно –
по нашим меркам.
Я такая ж дура, как ты, и по всей округе
Я киваю вечности, как подруге.
Прихожу на работу: зомби и всё такое.
Глажу облако, если есть под рукою,
Пробавляюсь опять стихами из Интернета,
Хотя ты, сто пудов, не похвалишь меня за это.
В общем, карте моей хана, да и как иначе?
Ни осанны тебе, ни какой-никакой отдачи.
День стоит, словно дым коромыслом –
попробуй справишься,
Не кляня Отечество, а куря ему «Славься»...

■ ■ ■

Иголкой под ноготь, а, может, и глубже –
Сегодняшний день, где – была не была –
Молчанка взалёб и прогулка по лужам,
Вороны, репейники, колокола.

Да счастье продрасться сквозь мокрые ивы
До тёмного места рождения слов,
Что жмутся беспомощно и сиротливо
К подкорке – из самых медвежьих углов.

И вновь не желают иного резона,
Чем чуют почти что над головой
Неровную линию горизонта
Над ровной линией береговой,

Где неподражаемо откровенны
Сырые законы сумы и тюрьмы,
Где голые ветки набухли, как вены,
На теле неначавшейся зимы.

■ ■ ■

Короче и глуше становится свет,
Упрямее тени родимых привычек.
На лике любви ни кровиночки нет.
Чиста нагота, и постскриптум обычен –

Недобрая ночь вместо доброго сна,
Подкормка с ладони – приبلудная проза,
Куда прорываются из окна
Морзянка колёс и гудки тепловоза.

Наутро всё сызнова, всё набело
И страшно: за линией узкого круга
В насытом запале надменно и зло
Расплавленным битумом пышет округа.

И мечется беглое слово «прости»
По тощей подкорке и ищет вторженья
В nirvanу, где здешняя явь во плоти
Не имеет ни облика, ни отраженья.

■ ■ ■

Четверть века за плечом.
Вёрткий ветер под плащом.
Ощутимо. Горячо,
Градусник в подмышке.
Снег постели. Снов дымы.
Взмах метельной бахромы.
Лапы белые зимы,
Мягкие не слишком.

Свет мой, зеркальце, не ври.
Что извне, что изнутри –
Сосчитавши декабри,
Время обрисует.
А не выберет судей
Из порядочных людей –
Припасёт на чёрный день
Ампулу сосульки.

Там лекарство или яд?
Чем храним ты? Кем ты клят?
Что ж тянуть пристрастный взгляд
К тем, кто не со мною?..
Выгнут знак в конце строки.
Лезь в другие башмаки:
С сердца камень, лёд с реки –
Дело наживное.

■ ■ ■

Дым обратный, напрасный, густой,
Тёмный дым по дороге пустой
Переходит в сиреневый вечер.

Значит, будет по ком горевать,
Думу думать и век вековать,
Жечь мосты и заздравные свечи.

Жизнь растёт дураком из горшка.
И под сенью того дурака
Лето бродит ни валко ни шатко.

В чистом поле звереют ветра,
И не ищут добра от добра
Приступ воли и признак упадка.

Приходи на меня посмотреть,
Дай простить и не дай постареть,
Сосчитай все родимые пятна...

Упивайся моей немотой
И лови на дороге пустой
Дым сгущённый – напрасный, обратный.

■ ■ ■

Отвадив неловкую память о чём-то,
Кромсая пространства, кляня времена,
Как две параллельных – не пересечёмся –
Уже и не люди, а лишь имена.

Несвежий рассвет заливает глазницы,
Венчая подсчёт вероломных минут.
И не с кем прощаться,
И нечем казниться,
И не продышать ледяную вину.

Питаться вразнос чередою подобий,
Сходясь с иноверцами наперебой,
И звать эту пропасть всего лишь бедою,
И луковым горем, и клятвой судьбой.

Кончается август, и ветренный воздух –
Глоток небывало вместительных дней –
Тончает, как зреньё, крепчает, как возраст,
И целит надёжней, и травит верней...

■ ■ ■

Ох, затылок тебе напекло.
Засыпать тяжелым-тяжело
Возле стенки, где строгие лица
Фотографий под мутным стеклом.

Колченогий заслуженный стол,
Змейки трещин по синей клеёнке.
Тайны, шифры, коленки в зелёнке.
Поле зренья, взросленью простор.

Пятый год твой глазастым растёт.
В палисаднике вишня цветёт.
Май бедует, а ветер подует –
Белым-белым по свету метёт.

Посмотри туда из-под руки,
Словно в щёлку заборной доски:
Там теперь ни следа от запретов.
Там на чёрной земле лепестки.

■ ■ ■

Активисты мартовских помоек,
Сытых лет усатые бомжи...
Что ни кот – истерик, трагик, стоик
С философской сагою про жизнь.

Племя полосатых побирушек:
Подворотни, холод, ё-моё...
Весь расчёт на нескольких старушек,
Что жалеют бедное зверё.

По подвалам жмутся и по крышам,
Да не каждый бомж на всё готов...
Ничего не встретилось мне выше
Мелкого достоинства котов.

ИЗ ЮНОСТИ

1

И по краешку тротуара –
Как вчерашнему дню вослед...
Я навылет в троллейбусе старом
Пробиваю счастливый билет.

Не желаю иного исхода,
Не качаю привычно права.
На вокзал – сквозь дурную погоду,
Сквозь короткие злые слова.

От перрона уходя дороги,
Гонят сталь в непонятную даль.
Разве только украдкой потрогать
Перемёрзшей таблички эмаль?

Имя города – узкой полоской
У состава на грязном боку.
Хриплый рупор, бездомный и плоский,
Объявляет «Воронеж – Баку».

Сатанеет метель-истеричка,
А куда этот бешеный гон?..
Безнадёга, тупик, электричка.
Обопрись о последний вагон.

2

Ты в полупустом троллейбусе,
Где изморозь на окне
Дыханьем никак не греется,
Забодишься обо мне.

Не к месту, но вряд ли кончатся
Потоки занудных фраз...
Мне слушать тебя не хочется,
И это не в первый раз.

За дверью, что гулко хлопает,
Летает несвежий снег.
Ты скажешь, что просто плохо мне?
Неправда, мне хуже всех.

ПАМЯТИ ЮНОШЕСКОГО МАКСИМАЛИЗМА В ОКРЕСТНОСТЯХ ШИННОГО ЗАВОДА

Л. Г.

Не ошейник – адрес: град Воронеж,
Почва – сажа, флора – трын-трава.
Здесь и полуслова не проронишь
Без того, чтоб голос не сорвать.

Закосив под простоту святую,
В костоломной чаше долгих дней
Белую медведицей лютует
Та зима, что прочих голодней.

Спасу нет от силы этой свежей,
Жизни нет до новых холодов.
Как, спасаясь от зимы медвежьей,
Уложиться в несколько ходов?

Но в ответ глаза твои смеются
На вопрос, поставленный ребром...
Льдинки «барбарисок» в чайном
блюде
Да гитары жёсткое бедро.

ПЕСНЯ К НЕСОСТОЯВШЕМУСЯ СПЕКТАКЛЮ

По старинке – смех,
Море слёз в рукав:
Житие твое
В двадцати веках,
Голь славянская,
Крепко сбитая,
Черносошная,
Челобитная.

То ли хлеб в поту,
То ли ком ко рту, –
Прожевали крик,
Подвели черту
Под одну на всех,
Беспробудную,
Православную,
Многотрудную.

С тем и крест неси,
Вороши, коси,
Голоси, проси
Взора с небеси:
Три погибели,
Топа дальние,
Звоны долгие
Да кандальные.

Внове слух свербят,
Внове в медь трубят –
Хочет мяса змей
О семи скорбях,
Всякий всякому
Рубит голову,
Да за матушку,
Кривду голую.

Ах, сыра земля,
Пяди сорные.
Безлошадными
Стали конные.
В кровь растоптана
Кашка мятная,
Да не выцвело
Лето мятое.

По старинке – смех,
Море слёз в рукав.
Нас помянут в тех
Двадцати веках,
Голь славянская,
Избы с краешку,
Не в последний раз
Помираешь ты...

Да захлёт-захлёб –
Реки пенные,
Тризны пьяные,
Вёсны рьяные.
Испокон велось.
По Писанию –
На своих костях
Воскресали мы.

■ ■ ■

И зачем мне, Боже, глаза и руки?
Не обнять, не увидеть того, кто страшным
Сном уплыл в безразмерную пасть разлуки,
И необитаем стал день вчерашний.

Как упрямится память: не хочет брода
К немоте оглушительной, к детской песне.
И метётся метелью её свобода,
А умрёт – обязательно вновь воскреснет.

На дочерних нервах, на жёлтых фотках,
На прибитом лопатую чернозёме...
Я с тобою, папка. Вот хлеб и водка.
И желание идти не твоей стезёю.

■ ■ ■

На пальцах объясни, коль словом
не владеешь,
Откуда этот страх найти и потерять?..
Томлюсь в тисках любви которую неделю,
Который век прошу в душе не ковырять.

Не превращаясь в слух, не уяснив науку,
Ты на своём стоишь верней, чем на земле:
Кормить меня хурмой, держать меня за руку,
Идти со мной в театр в ближайшем феврале.

Старательно куёшь пудовые оковы,
Ругаешь стрекозой...

Какая стрекоза!

Конкретный тормоз я на ветви тупиковой:
Не вижу, чем помочь, не знаю, что сказать...

■ ■ ■

Этого дня хромой желобок
И говорливый его ручей
Вряд ли пристанище лежебок,
А если праздник – тогда ничей.

Крой эту масть козырным дождём,
Шифры разгадывай, смейся, смей, –
Валится манна, когда не ждём,
Счастье является вместе с ней.

Пряного вечера куркума –
В очередь за ливневой водой.
И не зазорно сойти с ума,
Если не мёртвый и молодой.

■ ■ ■

Этот дурман настоялся и отстоялся.
Пить не хочу, а тебя угощать стрёмно.
Видишь, как я милосердна, а ты боялся.
Счастье – оно ужасно, оно огромно.

Берег реки в первородной раскисшей гнили –
Лучший подарок для нашего скопидомства.
Видишь, простынку неба как отсинили?
Я постелю, чтоб гладко – для неудобства.

Вертишься с боку на бок, как жертва транса,
Чем эдак мучиться – лучше замри и сблизни.
Пусть для меня отвоёвывает пространство
Вечная память о мимолётной жизни.

■ ■ ■

Октябрь стоял до декабря
И никого не заморозил.
Мы жили, утопая в прозе,
И, ничего не говоря,
Собачились от фонаря
Под дефицитом мелких брызг
Скупого солнечного сока...

И душу вынули до срока
Лихие правила игры
В отчаянные поддавки
Под сводом местной безнадёги...
Всё верно: на большой дороге
Глаза у страха велики.

И только кругом голова,
Что этих дней не представляла
И тихо дурочку валяла,
Пока не кончились слова.

■ ■ ■

Образа мои – зори свежие.
Колоколенка, звоны сизые.
Воля вышня, ночь нездешняя
Над обветренными карнизам.

Мимо дворигов, по булыжнику,
В рощу-пущу с глухой часовнею,
Где ни дальнего нет, ни ближнего,
И пространства перелицованы.

То ли начерно, то ли начисто,
Сверху видно ль вам, звёзды гневные?
По обочинам – мать-и-мачеха –
Листья нежные, стебли нервные.

Были травами, будем травами,
Чем и тешиться, как ни тризнами?
Да не пели б вы мне во здравие,
Зори свежие, звоны сизые.

Иль не сами вы – впрок без промаха
О земь клятую – с неба манною?
Воля вышня, темь огромная.
Знали – чёрною.
Звали – Анною.

■ ■ ■

Судьба задумана ребёнком,
Её убежище прозрачно.
Запасы солнечного света
Лежат под чёлкою невзрачной.

Но в глубине венозной чащи
Кричат сычи невыездные.
На рифах позвонков торчащих
Висят подтексты расписные.

И чует небо голубое
Слова, достойные финала –
Я приходила к вам с любовью,
Которой так и не узнала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Запечатли меня живой...»	6
«И диву давались, и смерти хотели...»	7
«Будут злить и злиться будем...»	8
«Гекзаметры, марши да прахом пошедшие сны...»	9
«Снег шёл второго...»	10
«За то, что сумели...»	11
«Заминка? Отлучка?...»	13
«И мёд, и яд...»	14
«Иду по Кольцу...»	15
«Ты – моя крепостная стена...»	16
«Крепче, круче дичь густая...»	17
«Поберегись, не входи в этот злой поток...»	18
«Мёртвый грифель, чёрный профиль...»	19
«Оставляй мне догадку, как память...»	20
«Откликнись ветру – и в траву...»	21
«Проза жизни с поэзией чувства...»	22
«Отравившись умением плакать...»	23
Песенка для голоса	24
«Посередине зимы, сжавшись на острие...»	26
«С круга – в омут...»	28
«То, что прогорает сгоряча...»	29
«Тяжелы небеса, будто травный веночек...»	30
Проводы на вокзале	31
«Я сквер чёрно-белый...»	32
«Да о чём это мы, любимый?...»	33
«Я останусь за дверью...»	36

«Наблюдая часы, невпопад...»	38
«Осени круглая дата...»	39
«Седовласые ивы шумят...»	40
«Лужи тёмного серебра...»	41
«Свитер крупной вязки натяну...»	42
«Оттепель, свежая рана...»	43
«В саврасовском рьяном апреле...»	44
«Сквозь рождественские ветки...»	45
«Светлы ли небеса...»	46
«Эти прогулки смертельной весны...»	47
«Об этом я сообщу в письме...»	48
«Ещё три часа сна, Аня, спи, не бойся...»	49
«Сызнова жить начиная едва...»	50
«Вскочить на подножку...»	51
«Принцессою не была...»	52
«Бережёного Бог бережёт...»	53
«В заросли снегопада...»	54
«Холод еловый...»	55
«Дни твои ни длинней, ни короче...»	56
«Что, на Дмитровке ненастье?...»	57
«...и вот рисуешь силуэт...»	58
«Мой друг, позволь на пару слов...»	59
«Я избушку свою лубяную...»	60
1977 год	61
«Защемит под ложечкой: болячка...»	62
«Как ни пыжься и сколь ни пиши...»	63
«Перехлёт дорог неторных...»	64
«А в зияющей яме пруда...»	65
«Остывает и мокнет брезентовый домик...»	66

Литинститут	67
«Собиралась отписать о хорошем...»	68
«Рассвет – и можно смотреть в окно...»	69
«В палевом воздухе пахнет палёным...»	70
«Дорогая Таня, я потеряла голос...»	71
«Иголкой под ноготь...»	72
«Короче и глуше становится свет...»	73
«Преждевременной осени серая низкая вата...» ..	74
«Приходи, отпразднуем весну...»	75
«Четверть века за плечом...»	76
«Дым обратный, напрасный, густой...»	77
«Отвадив неловкую память о чём-то...»	78
«Ох, затылок тебе напекло...»	79
«Активисты мартовских помоек...»	80
Из юности	81
«Мне шестнадцать. Я пафосна...»	83
«Не умру, поскольку не усну...»	83
Памяти юношеского максимализма	
в окрестностях шинного завода	84
Песня к несостоявшемуся спектаклю	85
«И зачем мне, Боже, глаза и руки?..»	87
«На пальцах объясни, коль словом не владеешь...»	88
«Этого дня хромой желобок...»	89
«Этот дурман настоялся и отстоялся...»	90
«Октябрь стоял до декабря...»	91
«Образа мои – зори свежие...»	92
«Судьба задумана ребёнком...»	93